

Зачем вузам отчислять студентов?

Интервью с С.Ю. Роциным, проректором НИУ ВШЭ, заведующим Лабораторией исследований рынка труда

— Сергей Юрьевич, в настоящее время мы готовим специальный выпуск бюллетеня, посвященный проблемам изучения отчислений студентов. На Ваш взгляд как проректора, курирующего образовательный блок, о чем говорит высокий процент отчислений студентов в определенном вузе?

— Во-первых, необходимо четко обозначить, какую образовательную среду мы обсуждаем. Если мы говорим про российскую образовательную среду, то низкий процент отчислений в каком-либо вузе, университете для меня свидетельствует о низком качестве обучения. А если мы имеем высокий процент отчислений, то это означает, что этот университет (я не вдаюсь в детали) в целом уделяет внимание качеству обучения, старается выдерживать соответствующий стандарт. Очевидно, этот стандарт не так легко освоить, и отсюда появляется более высокий процент отчислений.

Могу назвать две основных причины, по которым в России уровень отчислений студентов связан с качеством образования. Во-первых, российская система высшего образования за последние 15 лет стала тотальной, у нас высшее образование получают все. Естественно, люди объективно дифференцированы по способностям, — от этого никуда не денешься. Люди обладают совершенно разными способностями освоить то или иное образование. Понятно, что распределение способностей мы можем считать до некоторой степени нормальным, и если мы предъявляем высокие стандарты обучения, очевидно, что в условиях тотальности нашего высшего образования далеко не все могут освоить такие стандарты образовательных программ. Поэтому здесь возникает естественный вопрос о некотором отсеиве.

Во-вторых, к сожалению, система мотивации российских студентов устроена таким образом, что ценности усердного обучения оказываются несколько размытыми. Отсюда мы наблюдаем невысокую готовность к такому усердному обучению. Для того чтобы учиться и осваивать учебные программы, необходимо иметь достаточно жесткие стимулы; успешное обучение — это не только вопрос способностей, но и вопрос мотивации, психологической готовности. Поэтому, приходя в вуз после школы, многие ребята оказываются в несколько аморфном мотивационном поле, и если вуз не предъявляет соответствующих стимулов, то это может негативно влиять на качество обучения.

Вот с чем я связываю наличие определенной корреляции между уровнем отчислений и более высокими стандартами обучения.

— Как Вы считаете, возможно ли выстроить систему отбора в вуз таким образом, чтобы те, кто не может освоить образовательную программу, отсеивались еще до момента зачисления?

— В принципе, возможно. Но надо понимать, что если мы ведем речь о достаточно массовом образовании, когда прием на те или иные образовательные программы составляет не десятки, а сотни, то, конечно, вопрос дифференциации по способностям все равно будет оставаться. Не существует идеального скрининга, не существует идеального способа отбора на начальном этапе. Поэтому здесь также возможны ошибки. Кроме того, отбор не решает проблем мотивации. С этой точки зрения невозможно оценить, насколько человек будет мотивирован дальше прикладывать усилия и учиться. Переход от школы к высшему образованию — это определенный качественный скачок, потому что здесь нужно приложить гораздо больше самостоятельных усилий, выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, предъявлять спрос на определенные знания и т.д. И мотивацию на такое усердие очень трудно оценить, здесь всегда возможны ошибки, поэтому идеальной конструкции быть не может.

— Как Вы считаете, если говорить об отчислениях студентов вне российского контекста, то за рубежом действует другой набор факторов?

— Здесь многое зависит от страны. Например, Франция, по сути, широко открывает двери университетов для поступления и сталкивается с проблемами мотивационного «болота», существования больших различий в способностях студентов. И они вынуждены были перестраивать свою образовательную среду, выделяя внутри систему высших школ (*grand ecoles*), где в отличие от университетов существует гораздо более жесткий отбор на входе и соответственно другие стандарты обучения, которые предъявляются в процессе. А университет становится неким «социальным отстойником», где процент отчисления тоже может быть достаточно высоким, колебаться в зависимости от набора и т.д.

В США ситуация тоже очень разная. Бакалавриат во многом выполняет социальную функцию, подстраиваясь под запросы потребителей, домохозяйств. Там человек может уточнять, что ему нужно, выстраивать как-то свои будущие профессиональные интересы и все прочее. Если мы посмотрим ситуацию дальнейшего продвижения, то в магистратуре начинает работать довольно существенный отбор, потому что магистратура ориентирована на достаточно ограниченное

число людей. В рамках магистерских программ к студентам предъявляются гораздо более серьезные требования, это затем сочетается с различными академическими траекториями, программами PhD и т.д. Поэтому за рубежом системы настроены очень по-разному и с точки зрения социальных механизмов, и с точки зрения ожиданий участников.

— Несмотря на то что системы действительно различаются, достаточно большое количество отчислений происходит в первые модули или семестры, когда студент элементарно не адаптировался к университетской среде. Как Вы считаете, могут ли вузы что-то сделать, чтобы снизить отчисления такого типа?

— Это сложный вопрос. Основная проблема российского высшего образования заключается еще и в том, что российское высшее образование латает дыры среднего образования. Причем эти дыры расширяются или дополнительно возникают за последнее время, и, по сути, мы находимся в ситуации, когда привыкли предъявлять некоторые стандарты и ожидать от студентов определенные знания, умения и готовности, а оказывается, что этого нет. Причем иногда нет в массовом порядке. С этой точки зрения, университетам, коллегам, преподавателям бывает не просто перестроиться, потому что это на самом деле означает создание некоторых адаптационных механизмов, которые бы сильно латали проколы средней школы. Надо ли это делать? На мой взгляд — да, надо. Другое дело, что эта задачка непростая, и понятно, что это будет отвлекать часть ресурсов от удержания качества обучения на высшей ступени. Насколько это возможно сделать? Я довольно сдержанно отношусь к результату. Потому что, конечно, попытаться подменить собой среднюю школу, латать многие дыры — это очень трудно. Это первый момент.

Второй момент, который здесь еще очень существен, — это вопрос изменения технологий, с которым мы сталкиваемся. Дело в том, что современное поколение живет уже в совершенно другой информационной среде, и я бы сказал, что одна из проблем российского образования в том, что оно еще не до конца это осознало и не до конца готово с этим работать. Потому что мы имеем, конечно, на входе совершенно другой бэкграунд с точки зрения эрудиции, информации, владения определенными навыками, культурной коммуникации и т.д. Высшая школа, в общем, только начинает готовиться к тому, что она получает совершенно другой материал на входе, чем это было раньше.

— А если говорить об адаптации в широком смысле, когда она включает не только освоение определенного образовательного стандарта, но также и социализацию, усвоение определенных норм обучения в университете, самостоятельной жизни?

— Мне кажется, что тем вузам, которые хотят быть серьезными университетами и обеспечивать высокие стандарты обучения, нужно стараться формировать и поддерживать корпоративную культуру, которая в качестве одной из главных ценностей имеет обра-

зовательные, исследовательские, аналитические, карьерные достижения. И предельно важно для университета посредством такой корпоративной культуры транслировать определенные паттерны тем, кто приходит в университет. Главное, чтобы в университете существовало понимание, «что такое хорошо» и «что такое плохо», с точки зрения учебной и академической деятельности.

— Каковы могут быть конкретные инструменты и механизмы трансляции такой корпоративной культуры?

— Я не готов сейчас называть какие-то конкретные механизмы, но я бы сказал, что они должны быть ориентированы на широкое признание академических успехов, высокую ценность образовательных и научных достижений. По сути, это вопросы некоторых сигналов, «месседжей», которые исходят от профессорско-преподавательского состава и разделяются в студенческой среде.

— Если говорить о феномене отчислений как об исследовательском объекте, как Вы считаете, продуктивно ли рассматривать отчисления в вузах в связке с возникающими экономическими потерями от незаконченного образования?

— Во-первых, крайне важно уделять исследовательское внимание этой проблеме. Ответ с моей стороны очевидный, потому что я все-таки человек академический и привык к некоторой аналитике того, как протекают в целом те или иные социальные процессы. Исследования отчислений имеют как академическую, так и управленческую ценность, потому что позволяют уточнить ситуацию для определенных управленческих воздействий. Вопрос, кто оказывается наиболее успешным, наиболее «выживаемым», — это вопрос того, как работают социальные механизмы, механизмы поддержки тех или иных социальных групп.

Во-вторых, если говорить об экономических потерях, то важно рассматривать и альтернативные проблемы, которые могут возникать. Так, если мы, к примеру, не будем делать отчислений, то это серьезно снизит качество обучения, и альтернативные экономические потери могут быть не меньше. Это вопрос того, насколько механизм отсева позволяет обеспечить качество обучения. Мы можем поставить вопрос так: давайте не будем никого отчислять, получим ли мы тогда того специалиста, который способен дальше профессионально развиваться, выдавать тот профессиональный продукт, который ожидается от него с этим образованием? Вполне вероятно, что мы получим серьезную долю выпускников, которые на это не способны. И тут экономические потери оказываются также чрезвычайно серьезными, если мы не задумаемся, а надо ли нам «тащить» до конца тех, кто не мотивирован и по многим разным причинам не способен до этого конца дойти.

— Спасибо за Ваше компетентное мнение и интересное интервью!

Беседовал И. Чириков